УДК 94(367)

ПЕНЬКОВСКАЯ КУЛЬТУРА, АНТЫ И ИХ ЯЗЫКОВОЕ НАСЛЕДИЕ

ПЕНЬКІВСЬКА КУЛЬТУРА, АНТИ ТА ЇХНЯ МОВНА СПАДЩИНА

PENKOVSKAYA CULTURE, ANTS AND THEIR LINGUISTIC HERITAGE

Марков В.,
Независимый исследователь (Украина, Киев)
e-mail: vmarkov@i.ua

Марков В.,
Незалежний дослідник (Україна, Київ)
e-mail: vmarkov@i.ua

Markov V.,
Independent researcher (Ukraine, Kyiv)
e-mail: vmarkov@i.ua

Археологические данные и данные гидронимии свидетельствуют в пользу балтского происхождения колочинской культуры. Также археологические данные демонстрируют близость колочинской и пеньковской культур и их общую подоснову формирования в виде памятников киевской культуры. Колочинская и пеньковская культуры прекратили свое существование в последней четверти VII в. в связи с военной экспансией кочевников. По мнению ряда исследователей, обе культуры не имели «генетического» продолжения в более поздних славянских археологических культурах к северу от Черного моря. В то же время носители пеньковской культуры, отождествляемые с антами, совместно с носителями пражской культуры (склавенами) к концу VII в. заселили Нижнее Подунавье, Балканы и отдельные регионы Карпатской котловины. Очевидно, что в ходе этого расселения склавены подвергли антов полной ассимиляции, однако диалект антов оставил определенный след в современных южнославянских говорах. Лингвистические данные позволяют сделать вывод о том, что язык антов был ближе к языку балтов, нежели язык склавен.

Ключевые слова: анты, пеньковская культура, склавены, пражская культура, южнославянские диалекты, балтские языки.

Археологічні дані та дані гідронімії свідчать на користь балтського походження колочинської культури. Також археологічні дані демонструють близькість колочинської і пеньківської культур та їхню загальну підоснову формування у вигляді пам'яток київської культури. Колочинська та пеньківська культури припинили своє існування в останній чверті VII ст. внаслідок військової експансії кочовиків. На думку ряду дослідників, обидві культури не мали «генетичного» продовження у пізніших слов'янських археологічних культурах на північ від Чорного моря. В той же час носії пеньківської культури, ототожнювані з антами, разом із носіями празької культури (склавенами) до кінця VII в. заселили Нижнє Подунав'я, Балкани та окремі регіони Карпатської котловини. Очевидно, що в ході цього розселення склавени піддали антів повній асиміляції, проте діалект антів залишив певний слід у сучасних південнослов'янських говірках. Лінгвістичні дані дозволяють зробити висновок про те, що мова антів була ближчою до мови балтів, ніж мова склавен.

Ключові слова: *анти, пеньківська культура, склавени, празька культура, південнослов'янські діалекти, балтські мови.*

Archaeological data and studies in hydronymy suggest Baltic origin of the Kolochin culture. Archaeological data also show closeness of the Kolochin and Penkovka cultures and their common basis in monuments of the Kyiv culture. Kolochin and Penkovka cultures ceased to exist in the last quarter of the 7th century due to military expansion of the nomads. According to a number of researchers, both cultures did not have a 'genetic' continuation in later Slavic archaeological cultures north to the Black Sea. At the same time, bearers of the Penkovka culture, commonly identified with Antes, together with the bearers of the Prague culture (Sclaveni) by the end of the 7th century settled in the Lower Danube area, the Balkans and in the some parts of Carpathian basin. It is obvious that in the course of this resettlement, the Sclaveni subjected the Antes to complete assimilation, however, the dialect of the Antes left its mark on today's South Slavic dialects. The linguistic data show that the language of the Antes was more close to the Baltic language than language of the Sclaveni.

Keywords: *Antes, Penkovka culture, Sclaveni, Prague culture, South Slavic dialects, Baltic languages.*

(стаття друкується мовою оригіналу)

Археологические и письменные источники

По данным археологических источников пеньковская культура сформировалась в V в. в зоне лесостепи на левом берегу Днепра. Ее основу составили южные памятники киевской культуры, при этом она подверглась незначительному влиянию черняховской культуры. Переход от киевской культуры к пеньковской и родственной ей колочинской характеризовался заметным упрощением и «огрублением». Верхняя граница пеньковской культуры датируется второй половиной — концом VII в. [118, с. 63-70, 95; 92, с. 118-119, 129, 143; 80, с. 113-114; 47, с. 37; 29, с. 53; 90, с. 50-51; 46, с. 119, 129, 141].

Современная историография отождествляет носителей пеньковской культуры с антами, опираясь на свидетельства Прокопия Кесарийского и Иордана (последний в значительной степени использовал не сохранившееся сочинение Кассиодора). Так, Прокопий

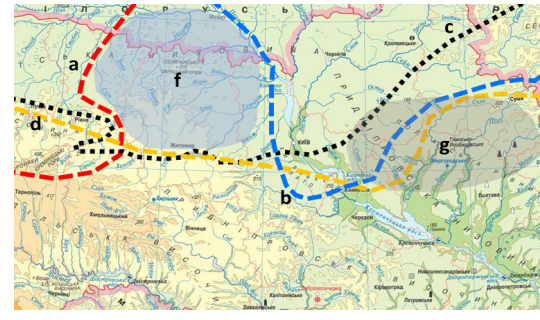
около 550 г. размещал антов к северу от утигуров, обитавших у Азовского моря к западу от Дона: «*Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами. Дальше, на север от них, занимают земли бесчисленные племена антов*» [35, с. 29]. Приблизительно в это же время Иордан писал, что анты являются более сильным племенем нежели склавены, и обитают между Днестром и Днепром: «*Анты же — сильнейшие из обоих [племен] — распространяются от Данастра до Данапра там, где Понтийское море образует излучину*» [57, с. 67]. Не смотря на то, что исследователи видят в антах носителях пеньковской культуры, их этническая принадлежность остается предметом дискуссий [См. обзор: 9, с. 378-385].

Изначальный ареал пеньковской культуры на левом берегу Днепра граничил с севера с ареалом колочинской культуры, местами пересекаясь с ним. Колочинская культура, как и пеньковская, также сформировалась на базе киевской и датируется тем же периодом, что и пеньковская. Граница между этими двумя родственными культурами достаточно размыта и по своим характеристикам они весьма близки между собой [46, с. 115-116; 49, с. 82]. По этой причине в некоторых случаях исследователи даже испытывают трудности в разделении их признаков [118, с. 69-72; 142, с. 133-134; 137, с. 60; 99, с. 71]. Однако в целом можно отметить, что носители этих культур занимали различные экологические ниши — пеньковская культура сформировалась и развивалась в зоне лесостепи, в то время как колочинская культура возникла и существовала в зоне леса, где на севере ее памятники по мнению некоторых исследователей достигают междуречья Западной Двины и верхнего течения Днепра [91, с. 68].

Этническая атрибуция носителей колочинской культуры остается предметом дискуссий между сторонниками ее славянской и балтской принадлежности (или славяно-балтской). Впрочем, носители этой культуры в любом случае не принимали участия в этногенезе восточных славян, поскольку после разгрома колочинских поселений хазарами в конце VII в. эта культура по мнению ряда исследователей не имеет достоверного «генетического» продолжения и ее связи с наследующими ей лука-райковецкой, волынцевской и роменской культурами не прослеживаются [132, с. 55-56; 82, с. 376; 81, с. 20-21; 93, с. 385; 54, с. 248-249; 96, с. 89; 75, с. 9]. Сказанное также относиться и к пеньковской культуре, о чем подробнее ниже.

Как известно, пражская культура является первой общепризнанной славянской археологической культурой. В целом она датируется V – VII вв. [29, с. 44; 118, с. 71] и на территории современной Правобережной Украины эволюционирует в лука-райковецкую культуру, которая в свою очередь «вливается» в древнерусскую [105, с. 84]. Современная историография уверенно ассоциирует носителей пражской культуры со склавенами. Известно, что этноним «склавены» (включая его варианты) использовался по отношению к славянам авторами, писавшими на греческом и латинском языках, поскольку сочетание «сл» для носителей этих языков было труднопроизносимо. Согласно сложившейся традиции термин «склавены» продолжает употребляется в современной литературе по отношению к племенам, названным так в византийских и позднеримских источниках. Прежде всего это делается чтобы отличать «склавен» от антов, славянское происхождение которых у многих исследователей вызывает сомнения или оговорки. В данной работе автор будет использовать термин «склавены», следуя вышеуказанной традиции.

Рис. 1. Границы археологических культур в Среднем Поднепровье в преддверии Великого переселения народов



a – юго-восточные границы вельбарской культуры; b – южные границы киевской культуры; c - северная граница распространения черноземных почв (приблизительно совпадает с прежней южной границей лесной зоны); d - северные границы черняховской культуры; f – предполагаемая территория формирования пражской культуры — т.н. «полесское белое пятно»; g - гипотетическая территория формирования пеньковской культуры [7. с. 129; 85, с. 164-171; 65, с. 43-46; 27, с. 74-75, 128-129; 95, последняя страница обложки; 61, с. 90; 22, с. 232; 70, с. 9; 102]

В свете накопленных к настоящему времени археологических данных и данных языкознания все меньше сомнений остается в том, что колыбелью пражской культуры являлся Полесский регион, приблизительно ограниченный реками Ирпень, Припять и Случ [84, с. 33; 45, с. 45; 74, с. 111-112; 118, с. 68-69, 95]. И хотя археологические источники попрежнему не дают четкого понимания процессов возникновение общности ее носителей, в последние годы сформировалась, вероятно, перспективная гипотеза о том, что эти процессы могли происходить при участии насе-

ления «постзарубинецкого горизонта» и при определенном влиянии носителей киевской культуры, которая также сложилась на основе позднезарубинецких памятников [32, с. 281-305; 53, с. 163-168; 62, с. 285; 76, с. 30-31; 33, с. 32-34].

Основные признаки пеньковской культуры Днепровского Левобережья и пражской культуры известны и многократно описаны в литературе [109, с. 293-304; 11, с. 415-416; 29, с. 23-25, 40-43, 51-53; 122, с. 97-98; 10, с. 99-101, 107; 118, с. 64-67; 31, с. 112-113; 105, с. 45, 75, 90-95; 101, с. 22-25, 45]. Однако в рамках данной публикации для нас прежде всего представляют интерес основные различия между ними. И по мнению ряда исследователей эти различия свидетельствуют о том, что обе культуры возникли и развивались, отличаясь по своему характеру [29, С. 23; 59, с. 46, прим. 4; 105, с. 84; 9, с. 388-393; 60, с. 19-20; 49, с. 71-72]. Попробуем кратко суммировать эти различия:

1. Обе культуры существенно отличаются подосновой своего формирования. Пеньковская культура является прямой наследницей киевской культуры, демонстрируя при этом незначительное влияние черняховской культуры. В сравнении с пражской она характеризуется находками более богатого инвентаря (включая оружие и снаряжение всадника), а также различного рода ювелирных изделий из кладов, известных как «древности антов». Ранние этапы пеньковской культуры демонстрируют более развитую ремесленную деятельность — на многих поселениях открыты плавильные печи, следы обработки железа и цветных металлов. Земледельческие орудия труда на памятниках пеньковской культуры представлены лучше, нежели на памятниках пражской. Все это свидетельствует о наличии у ранних антов относительно развитого уровня производства и обмена, а также определенной социальной стратификации [105, с. 110; 100, с. 134-135, 148; 112, с. 245; 29, с. 53; 20, с. 53-82; 60, с. 19-20]. О последнем в частности также свидетельствует Иордан (Кассиадор), упоминая «короля» антов Божа с его сыновьями и семьюдесятью старейшинами (даже, если это сообщение и носит полумифический характер) [57, с. 108].

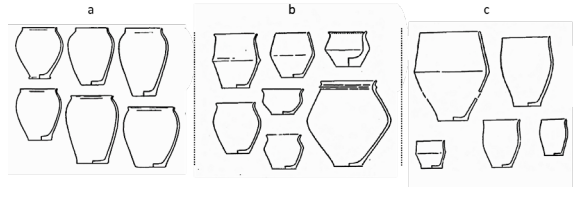
Пражская культура не является прямой наследницей киевской, хотя в ее памятниках и прослеживается некоторое влияние последней. В сложении пражской культуры фактически отсутствуют признаки влияния черняховской культуры. Уровень материальной культуры склавен (носителей пражской культуры) значительно уступал культурам готского круга и киевской культуре. Ранние памятники пражской культуры демонстрируют ее «архаичный» характер, иными словами ее бедность и примитивность. На этих памятниках отсутствуют проявления социальной дифференциации, признаки провинциально-римского влияния, достоверно пражские находки, связанные с военным делом. Очень слабо представлены металлические орудия труда, предметы быта, редки находки украшений. Склавены вели натуральное хозяйство, когда каждая семья сама обеспечивала свои потребности в пропитании и предметах быта, а ремесла и торговля находились в весьма зачаточном состоянии [29, с. 42; 48, с. 248; 63, с. 11; 1, с. 413; 19; с. 58-60; 10, с. 97-98; 14, с. 415–416].

В качестве главной подосновы формирования пражской культуры, вероятно, следует рассматривать группы носителей архаичных лесных традиций, находившихся на относительно ранних стадиях родоплеменных отношений. И хотя пражская культура все же демонстрирует признаки определенного влияния киевской культуры, как уже было отмечено, ее «архаичность» диссонирует с гораздо более развитым уровнем культуры поздне-киевских памятников [118, с. 95; 134, с. 26-35; 142, с. 110-147].

2. Пражская и пеньковская культуры демонстрируют ощутимые различия в традиции домостроительства. В отличие от носителей пражской культуры «пеньковцы» Левобережья в центре своих жилищ как правило размещали опорный столб. Данная традиция была унаследована ними от носителей киевской культуры. Также в отличие от носителей пражской культуры для отопления и приготовления пищи «пеньковцы» использовали открытые очаги, а не печи [118, с. 36-37; 31, с. 112-113; 46, с. 114-115].

3. Обе культуры демонстрируют существенные различия в традиции изготовления лепной керамики. Горшкообразные сосуды пражской культуры для приготовления пищи характеризуются вытянутой формой и расширением в верхней трети. Для аналогичных пеньковских сосудов характерны более приземистые формы и расширение в средней части. Также пеньковские горшки представлены биконическими формами с наличием резкого или закруглённого перелома посредине. Отличия между пражскими и пеньковскими горшками, очевидно, могли отчасти быть связаны с тем, что в первых готовили пищу с использованием печи, а в других на открытых очагах.

Рис. 2. Характерные горшкообразные сосуды пражской, пеньковской и колочинской культур



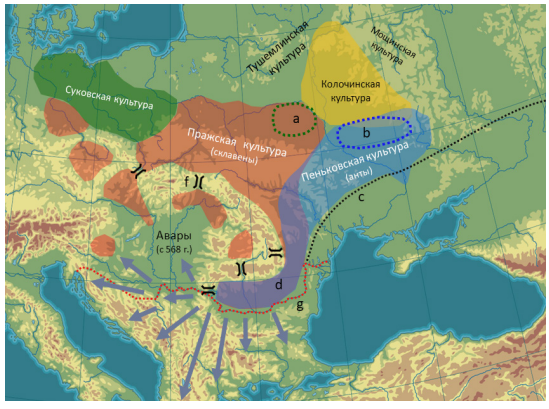
a – пражская культура; b – пеньковская культура; c – колочинская культура [30, С.83-84]

4. Находки оружия и снаряжения всадника свидетельствуют о том, что у носителей пеньковской культуры изначально было развито военное дело. Об этом также свидетельствует Иордан, который сообщает, что в первой битве короля Винитария с антами победу одержали последние (достоверность этого сообщения мы оставляем за скобками). Что касается склавен, сперва они, очевидно, представляли собой достаточно миролюбивый этнос, мало знакомый с военным делом. Помимо археологических данных об этом свидетельствует Иоанн Эфесский, который во второй половине VI в. писал о склавенах следующее: «*они выучились воевать лучше, чем ромеи, [они], люди простые, которые не осмеливались показываться из лесов и защищенных деревьями (мест) и не знали, что такое оружие, кроме двух или трех лонхидиев, а именно это — метательные копья*» [107, с. 279]. Вероятно, поэтому в глазах Иордана анты представляли собой «сильнейшее» из обеих племен [57, с. 67].

5. Продвижение носителей пеньковской культуры на юг и юго-запад происходило при определенном симбиозе с кочевниками. Не исключено, что начало этого симбиоза относиться к концу IV в., когда по свидетельству Иордана анты (или их предки) освободились от власти остроготов и перешли под покровительство гуннов [О данном аспекте также см. 100, с. 147]. Археологические источники фиксируют присутствие отдельных групп кочевников на пеньковских поселениях, о чем свидетельствуют остатки юртообразных жилищ, погребения, совершенные по обряду ингумации, характерные предметы, в том числе украшения, обнаруженные в жилищах и кладах. Все это позволяет некоторым исследователям предполагать, что в южной части лесостепного Поднепровья в VII в. началось формирование раннегосударственного образования со смешанным славяно-кочевническим населением и знатью, которое впоследствии было уничтожено в результате хазарского вторжения. Подобный пример симбиоза кочевников и славян мы затем опять можем наблюдать в Аварском каганате [94 с. 10-26; см. также 20, с. 53-82]. В данной связи можно также упомянуть популярную гипотезу о том, что само название антов может происходить от тюрк. *ant* «клятва», монг. *anda* «друг, побратим, союзник» [130, с. 268-269; 74, с. 111].

Разумеется, что наличие определенного симбиоза между антами и кочевниками само по себе не обязательно демонстрирует различия в этническом происхождении антов и склавен. Однако в совокупности с другими вышеперечисленными аспектами может свидетельствовать в пользу такого вывода.

Рис. 3. Пражская и пеньковская археологические культуры в VI-VII вв.



a - предполагаемая территория формирования пражской культуры; b - гипотетическая территория формирования пеньковской культуры; c – приблизительная граница степи и лесостепи; d – ареалы смешанного анто-склавенского населения и направления его расселения; f – перевалы и проходы, игравшие важную роль в расселении славян в VI – VIII вв., сверху вниз: Моравские ворота, Дукельский перевал, перевал Ойтуз, перевал Турну-Рошу, Железные ворота; g – византийская граница [Ареалы археологических культур: 109, с. 26; 13, с. 680; 19, с. 29; 118, с. 231; 15, с. 256; 12, с. 62; 91, с. 68]

В письменных источниках упоминания об антах появляются в средине VI в. Сочинение Иордана (Кассиодора) «Гетика», написанное около 551 г., также содержит ретроспективные сведения об антах, относящиеся к концу IV в. В последний раз антов упоминает историк первой половины VII в. Феофилакт Симокатта под 602 г., когда аварский военачальник Апсих выступил, «чтобы уничтожить племя антов» [108, с. 43]. О каких-либо результатах этого похода в источниках не сообщается, однако письменные упоминания об антах после этого не известны (за исключением титулатуры византийского императора под 612 г.) [107, с. 260-262]. Не исключено, что какая-то часть антов Нижнего Подунавья была в 602 г. уничтожена аварами или уведена в Паннонию. Однако в целом балканские анты не исчезли без следа, а смешавшись со склавенами, дали начало формированию южной ветви славян [78, с. 15-31]. Об этом свидетельствуют данные языкознания, которых мы коснемся ниже.

Очевидно, что поход авар против антов в 602 г., если и имел место, ограничивался Нижнедунайским регионом, поскольку на остальной территории Северного Причерноморья пеньковская культура продолжала свое существование. Ее финал датируется последней четвертью VII в., когда в Северное Причерноморье вторглись хазары. С гибелью пеньковской культуры связываются выпадения кла-

дов, известных в литературе как «древности антов» (клады 1-й группы), гибель Пастырского городища, исчезновение пеньковской керамики и пеньковских традиций в сооружении отопительных устройств. Приблизительно в это же время вражеским нападениям подверглось оседлое население на обширных пространствах южной и центральной части Восточно-Европейской равнины. В частности, прекратили свое существование колочинская, мощинская и именьковская культуры [42, с. 310, 322; 92, с. 147; 75, с. 8; 91, с. 59-60; 46, с. 147; 140, с. 188; 44, с. 126; 59, с. 53, 75-76].

Около 670-х гг. в северную часть дельты Дуная в поисках спасения от хазар прикочевала орда булгар хана Аспаруха. В 679 – 680 гг. этим булгарам удалось разгромить посланное против них византийское войско, после чего они установили контроль над всей Нижнедунайской равниной. Упомянутые события положили начало т.н. Первому Болгарскому царству, северо-восточные пределы которого охватывали территории, примыкающие с севера к дельте Дуная.

Смешанное склавено-антское населения междуречья Сирета и Днестра в результате экспансии хазар также было уничтожено или мигрировало на юг и, возможно, частично в Трансильванию. Поселения с исключительно пеньковской керамикой на этой территории после VII в. прекращают свое существование, а на других поселениях на смену пеньковской керамике впоследствии приходит лука-райковецкая [116, с. 315; 104, с. 41-42]. Другими словами, финал пеньковской культуры в Сирето-Днестровском междуречье наступил приблизительно в то же время, что на остальной территории Северного Причерноморья. Исключение составил регион, непосредственно прилегающий с севера к дельте Дуная и вошедший в состав Первого Болгарского царства. Для его защиты от неприятельского вторжения с севера в начальный период существования использовался т.н. «Нижний Траянов вал», насыпь которого сохранилась до нашего времени [106, с. 282-284]. Не вызывает сомнений, что неприятелем, для защиты от которого могло использоваться столь грандиозное сооружение, могли быть только хазары [28, с. 15-33].

Рис. 4. Перещепинская культура, Первое Болгарское царство, Нижний Траянов вал. Конец VII – первая треть VIII в.

1 – подкурганные ингумации перещепинской культуры; 2 - Нижний Траянов вал; 3 – Галацкий вал [68, с. 16; 66, с. 102 ;5, с. 163]

Таким образом, после исчезновения смешанного склавено-антского населения из центрального Сирето-Днестровского междуречья и последующего продвижения сюда носителей лука-райковецкой культуры здесь на юге образовалась диалектная граница между двумя этими группами населения. К диалектному отличию прибавилось культурно-политическое обособление потомков анто-склавенского населения в составе Первого Болгарского царства, в результате которого сложилась балкано-дунайская археологическая культура. Последняя известна в румынской и болгарской историографии как соответственно культура Дриду и плисковско-преславская культура. В ее формировании также принимали участие тюрко-болгары и волохи. В IX в. упомянутые культурные и диалектные различия усилился по причине переселения из внутренних регионов болгарского государства значительных масс славянского населения в нижнее междуречье Днестра и Дуная. В результате граница между южными и восточными славянами в. VIII – IX вв. стала здесь четко маркироваться распространением лука-райковецкой и балкано-дунайской культур [66, с. 100-104]. Впоследствии восточнославянское население южного междуречья Сирета и Днестра под натиском печенегов вынуждено было покинуть эти территории или было уничтожено, в результате чего южнославянские говоры к юго-востоку от Карпат оказались географически оторванными от восточнославянских.

Вернемся к ситуации в Поднепровье. После появления хазар в Северном Причерноморье в последней четверти VII в. их кочевья охватывали зону степи и лесостепи по обе стороны Днепра. Не исключено, что западные пределы этих кочевий могли достигать Днестра. Пребывание хазар в Поднепровье археологически маркируется ритуальными памятниками и погребениями, принадлежащими к перещепинской культуре. Как считается, эта культура отражает наиболее ранний, кочевнический этап развития Хазарского каганата, продолжавшийся до первой четверти VIII в. Присутствие хазар по обе стороны Днепра продлилось приблизительно до 730-х гг. после чего они по неизвестной причине покинули эти территории [67, с. 175; 23, с. 277-315; 69; 98, с. 173–176].

Через некоторое время после ухода кочевых хазар из Северного Причерноморья в Днепро-Бугский регион и на левый берег Днепра продвинулась с запада новая волна славянских мигрантов. Эти славяне являлись потомками носителей пражской культуры и характеризовались древностями типа Луки-Райковецкой–Сахновки и Волынцево. Их памятники не демонстрируют преемственности

с пеньковской культурой. Керамика этих славян наследует традиции пражской керамики, для приготовления пищи и отопления жилищ они использовали глинобитные печи, в конструкции их жилищ совершенно отсутствовал центральный столб [105, с. 111; 26, с. 248; 93, с. 381-396; 67, с. 164; 92, с. 130-133, 146-147; 97, с. 49; 132, с. 55-56; 46, с. 133]. Очевидно, что эти переселенцы могли застать на левом берегу Днепра какие-то группы уцелевших носителей пеньковской и колочинской культур, свидетельства чего некоторые исследователи видят в керамическом материале отдельных поселений. В связи с этим можно отметить, что изготовление лепной керамики у славян и их соседей исследователи традиционно относят к т.н. «женской субкультуре», в то время, как специфические приемы домостроительства являлись сферой «мужской субкультуры» [111, с. 239]. Таким образом, можно предположить, что новая волна славянской миграции с правого берега Днепра могла вобрать в себя незначительное число женщин-носителей пеньковской и/или колочинской культур. В таком случае их соплеменники-мужчины были либо уничтожены, либо изгнаны, о чем свидетельствуют резкие перемены в традиции отопительных устройств.

В пользу определенной преемственности населения также свидетельствует балтская гидронимия, которая хорошо сохранилась до нашего времени на территории, когда-то занятой носителями колочинской культуры. При этом язык славянских мигрантов новой волны, как мы убедимся ниже, не подвергся ощутимому влиянию со стороны антов, в отличие от языка южных славян.

Проблема этнического происхождения антов

Согласно утвердившемуся в историографии мнению, название «анты» имеет неславянское происхождение. Выше уже упоминалась гипотеза о его тюркской этимологии, однако гораздо более популярной является версия об иранском происхождении — от иран. **anda*, др.-инд. *ántas* «конец», «край», *ántyas* «находящийся на краю» и т. д. В таком случае *анты* означало бы «живущие на краю», «пограничные жители» [107, с. 159; 130, с. 267-268; 50, с. 28-34]. Впрочем, иранская версия имеет свои слабые стороны с точки зрения лингвистики [51, с. 270]. Помимо этого, до сих пор не представлены убедительные объяснения о том, почему этноним *анты* может иметь иранское происхождение в свете известных археологических данных о формировании пеньковской культуры. При том, что эти данные фактические не содержат каких-либо свидетельств сарматского или аланского влияния.

Известной проблемой является этимология антских личных имен, упоминаемых в источниках (Бож, Келагаст, Мезамер, Идаризий, Дабрагез и др.). Ни одно из них до сих пор не получило достоверной славянской этимологии [131, с. 62-63; 107, с. 159-160, 335; 18, с. 787-795].

Проблемным также является определение этнического родства склавен и антов на основании письменных источников. Как известно, римские авторы осознавали и отмечали принадлежность различных германских племен к единому германскому этносу. То же самое касалось и кельтских племен. Однако в случае с антами и склавенами, вероятно, ситуация выглядела не столь однозначной, ибо византийские авторы VI-VII в. никогда не смешивали антов и склавен и всегда их различали. Различали даже в составе византийских наемников. Также, ни один автор не называет антов частью или разновидностью склавен. Очевидно, что между этими двумя этносами присутствовали некие существенные этнокультурные различия, о которых было известно византийцам. Возможно по этой же причине анты и склавены перечисляются в источниках наравне с такими этносами как гунны, сарацины, утигуры и т. п. [38, с. 8; 39, с. 277-278]. Упомянутой традиции в частности следовал и Прокопий Кесарийский, который в 530 - 540-х гг. присутствовал на многочисленных театрах военных действий, где имел возможность непосредственно контактировать с антскими и склавенскими наемниками на византийской военной службе. Впрочем, этот же автор отмечал, что анты и склавены разговаривают на «едином совершенно варварском языке» и в древности носили общее имя «споры» [107, с. 185]. Безусловно, что сказанное Прокопием подразумевало наличие между ними этнического родства, однако о степени такого родства и о степени «единства» их варварского языка в понимании данного автора, мы можем только догадываться.

Иордан, писавший приблизительно в то же время, что и Прокопий, также указывает на определенное этническое родство антов и склавен, сообщая, что они происходят от племени венетов (следует отметить, что по мнению некоторых исследователей Иордан пишет о венетах исключительно как о племени, существовавшем в прошлом) [84, с. 28-30; 38, с. 11-12]. Как видим, его версия диссонирует с версией Прокопия и по мнению ряда исследователей выглядит как попытка примирить сведения о венетах из сочинений Тацита (I – II в. н.э.) с реалиями VI в. [4, с. 330 - 338; 24, с.129-132; 39, с. 281-286]. Тем более, что Иордан и Кассиодор представляли собой по большому счету кабинетных историков в отличие от Прокопия.

Еще одним византийским автором, у которого мы находим значительный массив информации об антах и склавенах, является Маврикий. Он всегда упоминает их раздельно, однако отмечает, что анты и склавены одинаковы по образу жизни и по нраву. При

этом у Маврикия отсутствует какой-либо намек на их этническое родство. Более того, в одном месте своего сочинения «Стратегикон» он называет склавен и антов по отдельности термином **τά ἔθνη**, который означает «народ» (или «союз племен»), т.е. термином, имеющим более широкий обобщающий смысл, нежели термин «племя»: «*таковы склавы и анты и подобные им* ***народы****, не имеющие порядка и пребывающие в анархии*» [107, с. 369, 380-381, прим. 3; 115, с. 163].

Еще одним аспектом, имеющим важность для определения этнического происхождения антов, является родственность пеньковской и колочинской археологических культур, а также этническая атрибуция последней. Как уже отмечалось выше, мнения об этнической принадлежности носителей колочинской культуры у исследователей разделились. При этом часть их на основании фактического материала объединяет памятники колочинской культуры и граничащей с ней достоверно балтской тушемлинской (тушемлинско-банцеровской) культуры в качестве локальных вариантов единой группы древностей типа «Тушемля-Колочин» [79, с. 65-66; 91, с. 11-12; 117, с. 74-78; 105, с. 81-82; 139, с. 41-43].

Таким образом, с одной стороны колочинские древности географически смыкаются и демонстрируют материальную близость с достоверно балтской археологической культурой. С другой стороны, колочинская культура географически смыкается и демонстрирует материальную близость с пеньковской культурой, которая ассоциируется с антами. Другими словами, пеньковская культура является частью своего рода территориального континуума археологических культур, который включает достоверно балтские.

Дополнительные сведения для решения вопроса об этнической принадлежности носителей колочинской культуры предоставляют данные языкознания. Прежде всего имеется в виду капитальный труд Топорова В. Н. и Трубачева О. Н. «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья», опубликованный в 1962 г. Итоги предшествующих исследований и произведенный авторами детальный анализ гидронимии бассейна Днепра к северу от Припяти, Десны и Сейма, позволили им сделать уверенный вывод о том, что эта территория с древности до первых веков II тыс. н.э. была заселена балтскими племенами, которые затем подверглись постепенной славянской ассимиляции [121, с. 236; 136, с. 73, 120-123]. Работа Топорова В. Н. и Трубачева О. Н. с момента публикации и до сегодня времени неоднократно получала высокую оценку у археологов, которым она позволила уточнить свои выводы или получить для них подтверждение со стороны лингвистики [138, с. 118; 105, с. 81-82; 123, с. 184-189].

Рис. 5. Балтийские гидронимы в бассейне Днепра (более насыщенным цветом отмечена зона т.н. «сплошной» балтской гидронимии) [121, карта 2; см. также 136, с. 120]

Показательно, что южная граница «сплошной» балтской гидронимии на правом берегу Днепра и не сплошной балтской гидронимии к югу от Припяти практически совпадает с северной границей лесостепи и соответственно северной границей распространения черноземных грунтов.

Отличия между пеньковской и пражской археологическими культурами, неславянское происхождение этнонима «анты» и быстрое исчезновения упоминаний об антах по мнению ряда исследователей могут свидетельствовать об их не славянском или не чисто славянском происхождении [103, с. 83]. Выдвигались предположения о том, что памятники пеньковской культуры были оставлены кочевниками или этнически смешанным населением, которое включало преобладающий кочевой элемент [20, с. 53-82; 101, с. 14-15; 25, с. 274]. По мнению других исследователей, анты являлись «второй» ветвью славянства [9, с. 393; 38, с. 13; 133, с. 26]. Также выдвигалось предположение о том, что анты были «боковым побегом» в процессе распада единого «прото-славяно-балтского» единства [74, с. 106-111]. По мнению Русановой И. П. анты, которые вышли к Нижнему Дунаю, представляли собой смесь, состоящую из склавен и носителей пеньковской культуры — балтов или славяно-балтов. Исследователь считала, что процессы этого смешения наглядно демонстрируют археологические памятники междуречья Сирета и Днестра [105, с. 111]. Достаточно популярной является гипотеза об иранском или смешанном славяно-иранском этническом происхождении антов [37, с. 13-16]. Однако последняя фактически не находит подтверждения в данных языкознания [124, с. 25-102; 55, с. 31], а также в письменных и археологических источниках (о последних уже отмечалось выше).

Что касается присутствия кочевников в составе антов на Нижнем Дунае — такой факт не ускользнул бы от внимания византийских

современников. Однако все известные письменных источники об этом молчат. В связи с этим можно предположить, что территория определенного симбиоза антов и кочевников не распространялась на Дунайско-Днестровский регион. В пользу этого также свидетельствуют археологические данные.

Языковое наследие антов

Согласно общепринятой лингвистической классификации современные славянские языки разделяются на три группы: восточнославянские, западнославянские и южнославянские. Последняя группа в свою очередь делится на восточную подгруппу (болгарский и македонский языки) и западную подгруппу (словенский и сербохорватский языки). Сербохорватский язык также известен в современной лингвистике как боснийско-хорватско-черногорско-сербский. Различия между упомянутыми подгруппами южнославянских языков исторически обусловлены особенностями славянских миграций на эти территории. Восточные Балканы заселялись из Нижнего Подунавья склавенами и группами смешанного анто-склавенского происхождения. В заселении Западных Балкан также приняли участие славянские племена, которые разное время пришли сюда через Моравские ворота и, вероятно, через Дукельский перевал. Таким образом, сербохорвато-словенские диалекты сформировались при существенном западнославянском влиянии, признаки которого наиболее выражены в современном словенском языке. Последний также характеризуется сильным диалектным членением, свидетельствующим об участии в этногенезе словенцев представителей различных славянских миграционных групп [113, с. 1035-1045; 86, с. 37; 71, с. 209-210; 36, с. 26; 72, с. 17-31; 73, с. 61-66].

Выше было отмечено, что пеньковская археологическая культура демонстрирует близость с колочинской культурой. При этом на балтский этнический облик последней указывают как археологические данные, так и данные гидронимии. В связи с этим можно предположить, что язык антов мог демонстрировать более сильное балтское влияние, нежели язык склавен. И если такая догадка верна, следы этого влияния могут быть обнаружены в современных говорах южных славян.

Действительно, в прошлом веке рядом лингвистов был выявлен пласт общей балто-южнославянской архаичной лексики, отсутствующей в восточнославянских и западнославянских языках. На основании этого было выдвинуто предположение о том, что изначально южнославянские диалекты (прежде всего восточно-южнославянские) граничили с балтскими и даже могли занимать переходное положение между славянскими и балтскими. Другими словами, предки носителей южнославянских диалектов на протяжении длительного времени должны были соседствовать с балтами [34, с. 73-75; 56, с. 436]. Высказанные идеи дали толчок к дальнейшим исследованиям в данном направлении, также более активно вовлекающим сербохорватскую и словенскую лексику [125, с. 290-297; 89, с. 294-313; 71, с. 40].

Впоследствии ряд исследователей пришел к выводу, что современные славянские языки с точки зрения лингвистики (прежде всего в силу различий в архаичной лексике) следует разделять не на три, а на две основные группы: южнославянские языки и все остальные — т.е. северославянские. Начало этой дифференциации можно проследить еще с позднепраславянского периода развития славянских языков [8, с. 110-116; 41, с. 281; 3. с. 211-215; 141, с. 36; 6. с. 581; 58, с. 21]. Впрочем, мнения о том, что общепринятая классификация славянских языков на 3 группы является скорее историко-культурно-территориальной, нежели собственно лингвистической, были известны и ранее [34, С. 39-42; 16, С. 108].

Предложенная в свое время О. Н. Трубачевым пространственная схема диалектного членения праславянского языка (хотя и отчасти условная) наглядно демонстрирует наличие тесных контактов древних пра-южнославянских диалектов с балтскими языками. При этом она также демонстрирует полное отсутствие таковых у северной группы правосточнославянских диалектов.

Рис. 6. Схематическая пространственная проекция праславянского диалектного членения по О. Н. Трубачеву [125, С. 296]

Как известно, славянские языки демонстрируют наибольшую близость к балтским языкам. Для объяснения данного факта выдвинуты различные гипотезы, на полюсах которых с одной стороны находится предположение о том, что славянский язык выделился из балтского языка (или балтский и славянский языки выделились из гипотетического балто-славянского праязыка), а с другой, что славянский язык выделился непосредственно из индоевропейского, а сходные с балтскими языками черты в нем развились в результате длительного соседства предков славян с балтами [123, с. 193-194; 34, с. 91-92; 77, с. 5-6; 129, с. 14-15; 142, с. 120; 131, с. 128; 2, с. 73-74; 135, с. 45-51; 83, с. 179-209; 137, с. 54-62;

17, с. 1144-1152]. Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу можно отметить, что присутствие в праславянском языке значительного пласта архаичной лексики, не имеющей параллелей в балтских языках, и ряд других древних языковых различий могут указывать на то, что сторонники второй точки зрения более близки к истине. В рамках настоящей публикации главное значение имеет тот установленный факт, что носители праславянского языка до его распада на отдельные диалекты тесно и на протяжении долгого времени соседствовали с балтами.

Итак, славистами к настоящему времени был выделен ряд архаичных южнославянских лексем, включая диалектизмы, которые отсутствуют в западно- и восточнославянских языках, однако имеют соответствия в балтских. Ниже вниманию читателя предлагается далеко не полный перечень таких соответствий [56, с. 436-437; 34, с. 73-75; 3 с. 214; 126, с. 291-293; 72, с. 20; 73, с. 64; 71, с. 40; 41, с. 292; 64, с. 151, 163-168]:

ãvinas литов., *àuns* латыш. «баран» — др.-церк.-слав. *овьнъ*, болг. *овéн,* сербохорв. *óван*, словен. *óven* т.с. (соответственно южнославянские языки противопоставлены северославянским по названию баранины: *ovčetina, овнешко*, *ovčje meso*) [58, с. 221];

burnà литов. «рот» —
болг. *бърна* «губа», сербохорв. *брњица* «намордник»;

burzdîis литов. «подвижный» — сербохорв. *брздща* «стремнина»;

clumpis старопрусск. «кресло» — болг. *klǫрь* лавка;

dešinas литов. «правый» — др.-церк.-слав. *дєсънъ*, болг. *десен,* сербохорв. *дѐсан*, словен. *désen* т.с.;

dim(ê)t латыш. «пугающий звук», «рев» — болг. *o-dьměti* «ответить», «огласить»;

draskýti литов. «царапать» — болг. *драскам* «царапаю»;

duomis латыш. «пещера, пропасть» — сербохорв. *думача* «глубокая долина», *думай* «очень глубокая поперечная долина»;

dveigỹs литов. «двухгодовалая скотина» — болг. *двизка* «двухгодовалая овца», сербохорв. *двизак, двиска* «двухгодовалый баран, овца»;

dyrëti литов. «глядеть, подстерегать» — болг. *дupя* «ищу»;

džiauna литов. «губа» — болг. *жуна* т.с.;

gerklę литов. «горло», *gurklỹs* «зоб, кадык» — болг. *гръклян*, сербохорв. *гркљан* т.с.;

glėžti литов. «слабеть, делаться мягким», *gležnas* «нежный, вялый» — болг. *глезя* «балую, делаю нежным»;

gožti литов. «разрастаться, неуклюже шагать» — болг. *газя*, сербохорв. *газити* «переходить, наступать ногами»;

gruzdus литов. «рыхлый, ломкий» — болг. *гръздав* «бугристый, шероховатый»;

jẽgt латыш. «понимать» — словен. *jégati* «дать понять», «упоминать», «сказать»;

klanas литов., *klans* латыш. «лужа» — сербохорв. *кланац* «ущелье», словен. *klanec* «лощина», «ущелье», «деревенская улица»;

kuce латыш. «сука» (самка домашней собаки) — болг. *кучка*, сербохорв. *kučko* т.с. (упоминание данного соответствия автору в литературе не встречалось);

kukis, kūkums латыш. «горб» — сербохорв. *кик* «горб»;

mélžiu, mélžti литов. «доить» — др.-церк.-слав. *млъзѫ*, болг. *мълзя́,* сербохорв. *му́зем*, словен. *mólzem* «дою»;

ožỹs, ožìnis литов. «козел, козлиный» — др.-церк.-слав. *азьно* т.с.;

šalna литов., *saĩna* латыш. «изморозь» — болг. *слана*, сербохорв. *сла́на*, словен. *slána* т.с.;

stabaras литов. «сухой сук» — болг. *стобор* «решетка», «забор», сербохорв. *стобор*, словен. *steber* «столб»;

stārķis латыш. «журавль» — др.-церк.-слав. *стрькъ*, болг. *щръкел, щърк*, сербохорв. *штрк*, словен. *štorklja* т.с.;

suõsti литов. «дразнить», «мучить» — болг. *sasiti* «беспокоить»;

svals, svala латыш. «дым», «чад» — словен. sûł т.с.;

taujóti литов. «бродяжничать» — словен. *tavati* «тяжело ступать».

Подробнее можно остановиться на южнославянской лексеме *десьнъ* «правый». К ней восходит древнецерковнославянское слово *десница* «правая рука», которое позаимствовал древнерусский литературный язык. Восточные славяне (как и западные) не знали предлога *десьнъ,* а также производных от него [34, с. 54; 127, с. 545]. Что касается южных славян, слово *правъ* в значении правый все же встречается в нескольких «небольших островках» болгарских, македонских, чакавских и словенских диалектов [120, с. 145-147]. Можно предположить, что этот любопытный феномен маркирует местности, где в сложении местных диалектов преобладало влияние языка носителей пражской культуры (склавен) и их потомков.

С лексемой *десьнъ* «правый» связана проблема этимологизации и происхождения гидронимов *Десна*. Реки с таким названием к северу от Черного моря распространены в зоне балтской гидронимии (по Топорову В. Н. и Трубачеву О. Н.). Южнее известна лишь одна Десна — небольшой левый приток Южного Буга (протекает неподалеку от г. Винница). Также значительное число гидронимов *Десна* (с фонетическими вариациями) мы находим на южнославянской территории. Помимо этого, одна небольшая река с таким названием известна в Моравии и одна в Богемии (Чешской котловине). Почти все реки с этим названием являются левыми притоками, что, очевидно, объясняется тем, что определение правой или

левой стороны от реки в древности совершалось с позиции навстречу текущей воде [119, с. 407-438].

Касательно левого притока Южного Буга с названием Десна можно отметить, что происхождение данного гидронима вполне может быть связано с антами. Приблизительно в 30 км к северо-западу от места впадения этой реки в Южный Буг находится село Пиков, а в 12 км к юго-западу село Якушинцы, в которых были собраны фрагменты пеньковской керамики [101, с. 154, 156]. Иными словами, эта река протекает по территории, которую в свое время заселяли анты.

Что касается гидронимов *Десна* в Чехии и Моравии — можно также предположить, что их появление было связано с антами или группами южнославянского населения, в состав которых входили потомки антов. Известно, что чешский и словацкий языки по ряду признаков демонстрируют южнославянское влияние [40, с. 76; 43, с. 61-76; 135, с. 74]. Не исключено, что это влияние, помимо прочего, связано с участием в этногенезе чехов, мораван и особенно словаков отдельных групп южнославянского происхождения. Так в словацком и чешском языках присутствует южнославянское слово *prst*, *пръст* «палец», имеющее аналоги в балтских языках (*pirštu* литов., *pirksts* латыш. «палец») и отсутствующее в других славянских языках (за исключением заимствований из древнецерковнославянского).

Помимо лексики выявлены и другие языковые явления, связывающие южнославянские диалекты с балтскими языками. Так, было отмечено, что частицы *te* и *be*, употребляющиеся в литовском языке, отсутствуют в ближайшей к нему области северославянских языков, но встречаются в некоторой части южнославянского диалектного континуума. Одним из общих элементов, свойственных для балтийских и славянских языков, является приставка *už (въз)*. В отличии от этой приставки предлог *už* сохранился только у балтов и у южных славян (болг. *въз,* сербохорв., макед. *уз*). При этом, если обратится к этому предлогу со стороны семантики, то область его употребления в наиболее древнем для балтов значении «на» окажется еще меньшей и ограниченной латышским языком, некоторыми говорами литовского и болгарского языков [88, с. 23-25].

В латышском и литовском языках название березы (соответственно *bērzs*, *beržas*) имеет мужской род, в то время как в славянских языках название этого дерева имеет женский род. Однако в некоторых говорах словенского и сербохорватского языков встречается название березы мужского рода — *brèz* [88, с. 154].

Любопытной семантической балто-южнославянской параллелью является название Млечного пути. В ряде южнославянских говоров он называется *Кумова Слама* — «кумова солома», а также сербохорв. *Сламни пут*, болг. *Сламен път* «соломенный путь». Это находит полное соответствие в одном из латышских названий Млечного пути — *Salmu celš* «соломенный путь» [87, с. 102-103]. Впрочем, такое южнославянское название также может быть и калькой с турецкого названия Млечного пути *Saman yolu* «соломенный путь» [110, с. 308].

Еще одной любопытной семантической (смысловой) балто-южнославянской параллелью является название весны. В южнославянской лексике праславянское слово *весна*, имеющее праиндоевропейское происхождение, отсутствует [129, с. 13]. Южные славяне (за исключением словен) для названия весны используют фонетические варианты слова *лето* с приставкой *про-*. Полученная лексема буквально означает период/время, предшествующие лету, «предлетье»: болг., макед. *пролет*, сербохорват. *proljeće*, др.-церк.-слав. *пролѣтие*. Полную аналогию данной семантике мы находим в литовском и латышском языках, где слово «весна» *pavasaris* также буквально означает «предлетье» и образуется с помощью приставки *pa-* и слова *vasara* «лето». Впрочем, слово *prolěto* в значении «весна» также встречается в верхнелужицком языке и исчезнувшем полабском. Помимо этого, в чешском языке наряду с общеславянским названием осени *jeseň* встречается в том же значении слово *podzim*, буквально означающее «предзимье» [114, стлб. 1543; 21, с. 12-13; 52, с. 101-102]. Варианты лексемы *пролетье* также встречаются в некоторых украинских и русских говорах для обозначения народных празднований прихода весны. Вероятно, что здесь мы имеем дело с заимствованием из староцерковнославянского языка (?). В данный момент у автора недостаточно сведений для того, чтобы интерпретировать данную семантическую балто-южнославянскую параллель, однако он считает нужным обратить на нее внимание читателя.

Выводы

Археологические данные и данные гидронимии свидетельствуют в пользу балтского происхождения колочинской культуры. Археологические данные также свидетельствуют о близости колочинской и пеньковской культур и единой подоснове их формирования в виде памятников киевской культуры. Обе культуры исчезли в последней четверти VII в. в результате военной экспансии кочевников в Северное Причерноморье и, по мнению ряда исследователей, преемственность между ними и более поздними археологическими культурами славян отсутствует. Вместе с тем, носители пеньковской культуры (анты) совместно с носителями пражской культуры (склавенами) к концу VII в. успели расселиться в Нижнем Подунавье, на Балканах и в отдельных регионах Карпатской котловины. Очевидно, что в ходе этого расселения склавены подвергли

антов полной ассимиляции, однако язык антов оставил свой след в южнославянских говорах. Известные на сегодня лингвистические данные позволяют сделать вывод о том, что язык антов был ближе к языку балтов, нежели язык склавен.

В рамках данной работы автор не ставит перед собой задачу определения этнической принадлежности антов. Не исключено, что при нынешнем состоянии источников и данных языкознания эта задача не имеет однозначного решения. Тем не менее, можно вслед за И. П. Русановой осторожно предположить, что носители пеньковской культуры изначально представляли собой неких «южных балтов» или славяно-балтов, которые по мере продвижения на Нижний Дунай активно смешивались со склавенами, что нашло отражение в их материальной культуре и языке.

В 560-х гг. придунайские анты были ослаблены в результате противостояния с аварами, во время которого последние убили одного из антских вождей Мезамера. Судя по частоте дальнейших упоминаний придунайских склавен и антов византийскими авторами, анты стали численно уступать склавенам и их упоминания становились все реже, пока окончательно не прекратились после 602 г.

Источники не упоминают об участии антов в заселении склавенами византийских провинций, которое началось ближе к концу VI в. Очевидно, что к этому времени придунайские анты уже вошли частично или полностью в состав склавенских племен.

Список использованных источников

1. Biermann F. Land, Elite and Exploitation in Early Medieval Western Slavic territory // Revue Belge de Philologie et d'Histoire. T. 90. 2012
2. Birbaum H., Merrill P. T. Recent Advances in the Reconstruction of Common Slavic. Columbus. 1984
3. Boryś W. Etymologie słowiańskie i polskie. Warszawa, 2007
4. Curta F. Hiding Behind a Piece of Tapestry: Jordanes and the Slavic Venethi // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas Neue Folge. Bd. 47. H. 3 (1999)
5. Fiedler U. Bulgars in the lower Danube region. A survey of the archaeological evidence and of the state of current research // East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol.2. Brill, 2008
6. Grenoble L. A. Contact and the development of the Slavic languages // Handbook of Language Contact. Oxford, 2010
7. Kaczanowski P., Madyda-Legutko R. Strefy kulturowe w Europie Środkowej w okresie rzymskim // Archeologia o początkach Słowian: materiały z konferencji, Kraków, 19-21 listopada 2001, Kraków, 2005
8. Kamusella T. The Triple Division of the Slavic Languages: A linguistic finding, a product of politics, or an accident? Vienna, 2005
9. Kardaras G. Sclaveni and Antes. Some Notes on the Peculiarities Between Them // Slavia Orientalis. Yearbook. 2018. Vol. LXVII. No.3. 2018
10. Kobyliński Z. Settlement structures in Central Europe at the beginning of the Middle Ages // Origins of Central Europe. Warszawa, 1997
11. Kuna M., Profantová N. Prague-Type culture houses. Aspects of form, function and meaning // Histria Antiqua, 20. 2011
12. Parczewski M. Idzie nowe. Pierwsi Słowianie na ziemiach Polski // Barbarzyńskie tsunami. Okres Wędrówek Ludów w dorzeczu Odry i Wisły. Warszawa – Szczecin, 2017
13. Parczewski M. Origins of Early Slav Culture in Poland // Antiquity. 65 (248), 1991
14. Parczewski M. Slavs and the early slav culture // Ancient Europe 8000 B.C.–A.D. 1000: Encyclopedia of the Barbarian World. New York, 2004
15. Profantová N. Cultural discontinuity and the migration hypothesis. The. 6th century Slavic migration in the light of new archaeological finds from // ACE Conference Brussels: The very beginning of Europe? Early-Medieval Migration and Colonisation. 2012
16. Pukanec M. Why Slovak is neither West nor South Slavic Language from a Historical Point of View // Langage et langues: description, théorisation, transmission: Actes des XI èmes Rencontres Jeunes Chercheurs de l'École Doctorale 268 'Langage et Langues', Paris 30 et 31 mai 2008. Paris: Sorbonne Nouvelle, 2008
17. Schmalstieg W. R. Baltoslavic / Baltoslavisch // Die slavischen Sprachen / The Slavic Languages. Vol.2. De Gruyter Mouton, 2014
18. Strumins'kyj B. Were the Antes Eastern Slavs? // Harvard Ukrainian Studies. III/IV. 1979–1980. Part 2
19. Szmoniewski B. S. Early-Slavic culture // The Past Societies. Vol. 5. Warszawa, 2016
20. Szmoniewski B.S. The Antes: Eastern 'Brothers' of the Sclavenes? // Neglected Barbarians. Brepols Publishers. 2010
21. Zaroff R. Measurement of Time by the Ancient Slavs // Studia mythologica slavica. Vol. 19 (2016)
22. Ziółkowski A. When did the Slavs originate? The Case of the Antes. Palamedes 9/10
23. Айбабин А. И. Археологическое наследие хазар времени создания каганата // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. Симферополь-Керчь. Вып. XVIII
24. Анфертьев А. Н. Иордан / Комментарии // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. Москва, 1994
25. Артамонов М. И. Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Советская археология. 1990. №3
26. Артамонов М. И. Некоторые вопросы отношений восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья // Советская археология. 1974. № 1
27. Археология Украинской ССР. Т.3. Киев,

1986
28. Атанасов Г. Г., Руссев Н. Д. Онглос: первая резиденция болгарских канов на Нижнем Дунае и болгарское присутствие севернее Дуная в VII–X вв. 15 // Археология евразийских степей. Вып. 12. Казань, 2011
29. Баран В. Д. Давні слов'яни. Київ, 1998
30. Баран В. Д., Козак Д. Н., Терпиловський Р. В. Походження слов'ян. Київ, 1991
31. Башкатов Ю. Ю. Раннесредневековые жилища Днепровского левобережья: проблема происхождения // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902—1968). Санкт-Петербург, 2012
32. Белевец В. Г. Проблема выделения памятников позднезарубинецкого круга в Припятском Полесье // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2012. Вып. 3
33. Белицкая А., Байковская Е., Харитонович О. Результаты исследования поселения ранних славян в нижнем течении реки Ствига // Наука и инновации. №9. 2017
34. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Москва, 1961
35. Бибиков М. В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. Т.2. Москва, 2009.
36. Бирнбаум Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. Москва, 1986
37. Бубенок О. Б. Анти: слов'яни чи іранці? // Східний світ. 2005. Вип. 2
38. Васильев М. А. Славяне и анты. К проблеме этноаических и раннеисторических процессов в славянском мире // Славяноведение. №2. 1993
39. Васильев М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. Москва, 1999
40. Вендина Т. И. Праславянская лексика на перекрестках времени и пространства // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов., Белград, 20-27 августа 2018 г.: доклады российской делегации. Москва, 2018
41. Вендина Т. И. Общеславянский лингвистический атлас и некоторые мифы лингвистической географии Славянский альманах. № 1-2. 2015. Москва, 2015
42. Воронцов А. М. Поздний период существования мощинской культуры // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 225. Москва, 2014
43. Габовштяк А. Проблема происхождения словацкого языка сточки зрения лексики // Советское славяноведение. 1981. №5
44. Гавритухин И. О., Седин А. А. Фибулы с городища Никодимово // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 236. Москва, 2014
45. Гавритухин И. О., Лопатин Н. В., Обломский А. М. Новые результаты изучения раннеславянских древностей лесного Поднепровья и Верхнего Подвинья (тезисы к концепции славянского этногенеза // Славянский мир Полесья в древности и средневековье. Гомель, 2004
46. Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Москва, 1996
47. Гавритухин И. О., Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье. К реконструкции исторических процессов // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Москва, 2007.
48. Горбаненко С. А., Пашкевич Г. О. Землеробство давніх слов'ян (кінець I тис. до н. е. — I тис. н. е.). Київ, 2010
49. Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Ленинград, 1981
50. Грацианский М. В. О происхождении этнонима «анты» // Византийский Временник. Том 71 (96). 2012
51. Грацианский М. В. Анты, венеты, вятичи, славяне: родство имен и родство племен (ответ С. А. Иванову и А. Е. Аникину) // Византийский временник. Т. 73 (98). Москва, 2014
52. Гусев В. Е. Названия времен года и месяцев у славян // Очерки славянской культуры: Письма. Статьи. Доклады. Полевые материалы. Санкт-Петербург, 2012
53. Дубицкая Н. Н. Население Припятского Полесья в I тысячелетии н. э // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. Т.66. № 2. Минск, 2021
54. Загорульский Э. М. Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси. Минск, 2012
55. Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6. Москва, 1962
56. Иллич-Свитыч В. В. Выступление. IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 2. Проблемы славянского языкознания. Москва, 1962
57. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). Санкт-Петербург, 2000
58. Историческая типология славянских языков: фонетика, словообразование, лексика и фразеология / под редакцией А.С. Мельничука. Киев, 1986
59. Казанский М. М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Раннеславянский мир. Выпуск 15. Москва, 2014
60. Казанский М. М. О военной организации славян в V—VII веках: вожди, профессиональные воины и археологические данные // Stratum plus. №5. 2019
61. Каргапольцев С. Ю. Северо-Запад Восточной Европы в системе общеевропейских древностей III-VI вв. // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. Москва, 1997
62. Касюк А. Раннеславянскія жытлы Беларускага Палесся ў кантэксце домабудаўнічых традыцый пражскай культуры // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып.27. Мінск, 2012
63. Кланица З., Тржештик Д. Первые славяне в

среднем Подунавье и в Полабье // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI—XII вв.). Москва, 1991

64. Клепикова Г. П. Славянские названя птиц (аист, ласточка, ворон) // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. Москва, 1961

65. Козак Д. Н. Вельбарская культура на Волыни // Вельбарская культура в позднеримское время. Люблин, 1987

66. Козлов В. И. Славяно-болгарская колонизация степного междуречья Дуная и Днестра в раннем средневековье // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т.3. Москва, 1997

67. Комар А. В. Поляне и северяне // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Москва, 2012

68. Комар А. В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач.VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Донецк, 2006

69. Комар О. В. Населення степів Північного Причорномор'я VI — початку VIII ст. Автореф. дис… канд. іст. наук. Київ, 2002

70. Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы: II тысячелетие до н. э.-первая половина I тысячелетия н. э. Москва, 1971

71. Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Любляна, 1992

72. Куркина Л. В. Изоглоссные связи южнославянской лексики. II // Этимология 1976. Москва, 1978

73. Куркина Л. В. К проблеме словенско-западнославянских языковых связей // Античная балканистика. Москва, 1987

74. Лебедев Г. С. Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история. Ленинград, 1989

75. Левко О. Н. Полоцк - древнейший центр белорусской государственности и актуальные проблемы отечественной истории // Вестник Полоцкого государственного университета. 2008. №1

76. Левко О., Марзалюк И., Дробушевский А. Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Книга 1. Минск, 2016

77. Лер-Сплавинский Т. Об этногенезе славян // IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 2. Проблемы славянского языкознания. Москва, 1962

78. Литаврин Г. Г. О походе аваров в 602 г. против антов // Славяне и их соседи. Вып.1. Международные отношения в эпоху феодализма. Москва, 1989

79. Лопатин Н. В. О тушемлинской и колочинской культурах // Раннеславянский мир. Вып. 19. Москва, 2017

80. Любичев М. В. О первоначальной территории расселения антов и их продвижении к Балканскому полуострову // Древности 1995. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1995.

81. Макушников О. А. Гомельское Поднепровье в V - середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель, 2009

82. Макушников О. А. Колочинская культура в Гомельском Поднепровье и сменяющие ее памятники VIII-IX вв. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 225. Москва, 2014

83. Мартынов В. В. Праславянский язык и его место в западнобалтийском диалектном континууме // Acta Baltico-Slavica 25 SOW. Warszawa, 2000

84. Мачинский Д. А. О прародине славян в I - V вв. и об этносоциуме русь/рос в IX в. (чрезвычайно развернутый комментарий к некоторым сообщениям Баварского географа) // Истоки славянства и Руси. X чтения памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург, 2012

85. Милашевский А. С., Ткач В. В., Баюк В. Г., Прищепа Б. А., Войтюк А. П. Хронологические индикаторы финального этапа памятников вельбарской культуры на территории Украины // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры. Минск, 2018

86. Нахтигал Р. Славянские языки. Москва, 1963

87. Непокупний А. П. Балтійські родичі слов'ян. Київ, 1979

88. Непокупный А. П. Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений. Киев, 1964

89. Нимчук В. В. Карпато-украинско-южнославянские языковые параллели и тождества (История и перспективы). Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. Москва, 1984

90. Обломский А. М. Киевская культура на фоне этнокультурных процессов в лесостепной зоне в III – V вв. // Раннеславянский мир. Вып. 10. Москва, 2007

91. Обломский А. М. Колочинская культура // Раннеславянский мир. Вып. 17. Москва, 2016

92. Обломский А. М. Пеньковская культура // Раннеславянский мир. Вып. 3. Москва, 1996

93. Обломский А. М., Родинкова В. Е. Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н. э. Хронология событий // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 225. Москва, 2014

94. Обломский А. М. Структура населения лесостепного Поднепровья в VII в. н. э. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Москва, 2012

95. Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III–начало V в. н.э.) / Отв. ред. А. М. Обломский. Москва, 2007. (Раннеславянский мир. Вып. 10)

96. Петраускас О. В. Волинцевський комплекс ранньослов'янського поселення Обухів 2 // Археологія. №1. 2019

97. Петрашенко В. А. Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Київ,1990

98. Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. Москва, 1999

99. Приймак В. В. Некоторые аспекты дискус-

сии об этнокультурном переломе на Днепровском Левобережье // Раннеславянский мир. Вып. 19. Москва, 2017

100. Приходнюк О. М. Военно-политический союз антов и тюркский мир (по данным исторических и археологических источников) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2000. Вып. VII

101. Приходнюк О. М. Пеньковская культура: Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж, 1998

102. Публічна кадастрова карта України: https://map.land.gov.ua/; базові шари – оглядова карта; шари кадастру – грунти.

103. Рабинович Р. К вопросу о полиэтничности в раннесредневековой Молдове // Русин. 2006. №04(6)

104. Рафалович И. А. Славяне VI-IX веков в Молдавии. Кишинев, 1972

105. Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. Москва, 1976

106. Руссев Н. Д. Феномен балкано-дунайской культуры и история Дунайской Болгарии // Козлов В. Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII — начала XI веков н. э.: балкано-дунайская культура. Кишинев, 2015

107. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. Москва, 1994

108. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.II. Москва, 1995

109. Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. Москва, 2002

110. Селимски Л. Об этимологии двадцати слов. Дополнения и исправления к «Болгарскому этимологическому словарю» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 4. Москва, 2015

111. Сениченкова Т. Б. Об источниковедческих возможностях раннесредневековой керамики. Ладоги // Славяне восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902-1968) 3-5 декабря 2012 г. Санкт-Петербург, 2012

112. Скиба А. В. Географія та умови етнічного сусідства слов'ян і кочових племен Піввденно-Східної Європи у VI-VII ст. // VITA ANTIQUA. №7-9. 2009

113. Соболев А. Н. Вопросы древнейшей истории южнославянских языков и ареальная лингвистика // Јужнословенски филолог. LVI/3-4. Београд. 2000

114. Срезневский И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Том 2. Санкт-Петербург, 1902

115. Стратегикон Маврикия / Изд. подг В. В. Кучма. Санкт-Петербург, 2004

116. Тельнов Н. П. Восточнославянские древности VIII-X вв. Днестровско-Прутского междуречья // Stratum plus. № 5. 1999

117. Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья III-V вв. Киев, 1984

118. Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. Lublin, 2004

119. Толстой Н. И. Десна 'dextra'? // Избранные труды. Т.I. Москва, 1997

120. Толстой Н. И. Славянская лексикология и семасиология // Избранные труды. Т.I. Москва, 1997

121. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. Москва, 1962

122. Третьяков П. Н. По следам древних славянских племен. Ленинград, 1982

123. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Москва, Ленинград, 1966

124. Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 2. Москва, 2004

125. Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи) // Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1. Москва, 2004

126. Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1. Москва, 2004

127. Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация // Труды по этимологии. Т. 4. Москва, 2009

128. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Москва, 2002

129. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. 1982, № 4

130. Филин Ф. П. Заметка о термине «анты» и о так называемом «антском периоде» в древней истории восточных славян // Проблемы сравнительной филологии. Москва-Ленинград, 1964

131. Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. Москва-Ленинград, 1962

132. Филипчук А. М. «Прикарпатська" прабатьківщина слов'ян перед їхнім розселенням у V–VII ст. (у світлі нових досліджень) // Вісник Інституту археології. 2011. Вип.6

133. Филипчук А. М. Чи існувала прикарпатська прабатьківщина слов'ян? / Studia historia. Львів, 2018. Вип. 2

134. Фурасьев А. Г. О роли миграций в этногенезе ранних славян // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLIX. Санкт-Петербург, 2009

135. Хабургаев Г. А. Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). Москва, 1980

136. Хабургаев Г. А. Этнонимия Повести временных лет в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. Москва, 1979

137.Челноков М. Проблема диференціації прабалто-слов'янського масиву: можливості міждисциплінарного підходу // Записки історичного факультету. Одеса, 2013. Вип. 24

138. Шмидт Е. А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск, 2012

139. Шмидт Е. А. Памятники типа Тушемля -

Колочин и формирование древнерусских племен в северной части Верхнего Поднепровья // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990

140. Шмидт Е. А. Славяне в междуречье Днепра и Западной Двины в IV–XII веках н.э. // Известия Смоленского государственного университета. №2(10). 2010

141. Шустер-Шевц Х. Возникновение западнославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития // Вопросы языкознания. №2. 1983

142. Щукин М. Б. Рождение славян // Стратум: структуры и катастрофы. Санкт-Петербург, 1997

References

1. Biermann F. Land, Elite and Exploitation in Early Medieval Western Slavic territory // Revue Belge de Philologie et d'Histoire. T. 90. 2012

2. Birbaum H., Merrill P.T. Recent Advances in the Reconstruction of Common Slavic. Columbus. 1984

3. Boryś W. Etymologie słowiańskie i polskie. Warszawa, 2007

4. Curta F. Hiding Behind a Piece of Tapestry: Jordanes and the Slavic Venethi // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas Neue Folge. Bd. 47. H. 3 (1999)

5. Fiedler U. Bulgars in the lower Danube region. A survey of the archaeological evidence and of the state of current research // East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol.2. Brill, 2008

6. Grenoble L. A. Contact and the development of the Slavic languages // Handbook of Language Contact. Oxford, 2010

7. Kaczanowski P., Madyda-Legutko R. Strefy kulturowe w Europie Środkowej w okresie rzymskim // Archeologia o początkach Słowian: materiały z konferencji, Kraków, 19-21 listopada 2001, Kraków, 2005

8. Kamusella T. The Triple Division of the Slavic Languages: A linguistic finding, a product of politics, or an accident? Vienna, 2005

9. Kardaras G. Sclaveni and Antes. Some Notes on the Peculiarities Between Them // Slavia Orientalis. Yearbook. 2018. Vol. LXVII. No.3. 2018

10. Kobyliński Z. Settlement structures in Central Europe at the beginning of the Middle Ages // Origins of Central Europe. Warszawa, 1997

11. Kuna M., Profantová N. Prague-Type culture houses. Aspects of form, function and meaning // Histria Antiqua, 20. 2011

12. Parczewski M. Idzie nowe. Pierwsi Słowianie na ziemiach Polski // Barbarzyńskie tsunami. Okres Wędrówek Ludów w dorzeczu Odry i Wisły. Warszawa – Szczecin, 2017

13. Parczewski M. Origins of Early Slav Culture in Poland // Antiquity. 65 (248), 1991

14. Parczewski M. Slavs and the early slav culture // Ancient Europe 8000 B.C.–A.D. 1000: Encyclopedia of the Barbarian World. New York, 2004

15. Profantová N. Cultural discontinuity and the migration hypothesis. The. 6th century Slavic migration in the light of new archaeological finds from // ACE Conference Brussels: The very beginning of Europe? Early-Medieval Migration and Colonisation. 2012

16. Pukanec M. Why Slovak is neither West nor South Slavic Language from a Historical Point of View // Langage et langues: description, théorisation, transmission: Actes des XI èmes Rencontres Jeunes Chercheurs de l'École Doctorale 268 'Langage et Langues', Paris 30 et 31 mai 2008. Paris: Sorbonne Nouvelle, 2008

17. Schmalstieg W.R. Baltoslavic / Baltoslavisch // Die slavischen Sprachen / The Slavic Languages. Vol.2. De Gruyter Mouton, 2014

18. Strumins'kyj B. Were the Antes Eastern Slavs? // Harvard Ukrainian Studies. III/IV. 1979–1980. Part 2

19. Szmoniewski B.S. Early-Slavic culture // The Past Societies. Vol.5. Warszawa, 2016

20. Szmoniewski B.S. The Antes: Eastern 'Brothers' of the Sclavenes? // Neglected Barbarians. Brepols Publishers, 2010

21. Zaroff R. Measurement of Time by the Ancient Slavs // Studia mythologica slavica. Vol. 19 (2016)

22. Ziółkowski A. When did the Slavs originate? The Case of the Antes. Palamedes 9/10

23. Aybabin A.I. Arkheologicheskoye naslediye khazar vremeni sozdaniya kaganata // Materialy po arkheologii. istorii i etnografii Tavrii. 2013. Simferopol-Kerch. Vyp. XVIII

24. Anfertyev A.N. Iordan / Kommentarii // Svod drevneyshikh pismennykh izvestiy o slavyanakh. T. I. Moskva. 1994

25. Artamonov M.I. Pervyye stranitsy russkoy istorii v arkheologicheskom osveshchenii // Sovetskaya arkheologiya. 1990. №3

26. Artamonov M.I. Nekotoryye voprosy otnosheniy vostochnykh slavyan s bolgarami i baltami v protsesse zaseleniya imi Srednego i Verkhnego Podneprovia // Sovetskaya arkheologiya. 1974. №1

27. Arkheologiya Ukrainskoy SSR. T.3. Kiyev, 1986

28. Atanasov G.G., Russev N.D. Onglos: pervaya rezidentsiya bolgarskikh kanov na Nizhnem Dunaye i bolgarskoye prisutstviye severneye Dunaya v VII–Kh vv. 15 // Arkheologiya evraziyskikh stepey. Vyp.12. Kazan, 2011

29. Baran V.D. Davni sloviany. Kyiv, 1998

30. Baran V.D., Kozak D.N., Terpylovskyi R.V. Pokhodzhennia slovian. Kyiv, 1991

31. Bashkatov Yu.Yu. Rannesrednevekovyye zhilishcha Dneprovskogo levoberezhia: problema proiskhozhdeniya // Slavyane vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya Ivana Ivanovicha Lyapushkina (1902—1968). Sankt-Peterburg, 2012

32. Belevets V.G. Problema vydeleniya pamyatnikov pozdnezarubinetskogo kruga v Pripyatskom Polesye // Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i

Velikogo pereseleniya narodov. Tula, 2012. Vyp.3
33. Belitskaya A., Baykovskaya E., Kharitonovich O. Rezultaty issledovaniya poseleniya rannikh slavyan v nizhnem techenii reki Stviga // Nauka i innovatsii. №9. 2017
34. Bernshteyn S.B. Ocherk sravnitelnoy grammatiki slavyanskikh yazykov. Moskva, 1961
35. Bibikov M.V. BYZANTINOROSSICA: Svod vizantiyskikh svidetelstv o Rusi. T.2. Moskva, 2009.
36. Birnbaum Kh. Praslavyanskiy yazyk: Dostizheniya i problemy v ego rekonstruktsii. Moskva, 1986
37. Bubenok O. B. Anty: sloviany chy irantsi? // Skhidnyi svit. 2005, Vyp. 2
38. Vasilyev M.A. Slavyane i anty. K probleme etnoaicheskikh i ranneistoricheskikh protsessov v slavyanskom mire // Slavyanovedeniye. №2. 1993
39. Vasilyev M.A. Yazychestvo vostochnykh slavyan nakanune kreshcheniya Rusi. Moskva, 1999
40. Vendina T.I. Praslavyanskaya leksika na perekrestkakh vremeni i prostranstva // Slavyanskoye yazykoznaniye. XVI Mezhdunarodnyy syezd slavistov. Belgrad, 20-27 avgusta 2018 g.: doklady rossiyskoy delegatsii. Moskva, 2018
41. Vendina T.I. Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas i nekotoryye mify lingvisticheskoy geografii Slavyanskiy almanakh. №1-2. 2015. Moskva, 2015
42. Vorontsov A. M. Pozdniy period sushchestvovaniya moshchinskoy kultury // Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii. Vyp. 225. Moskva, 2014
43. Gabovshtyak A. Problema proiskhozhdeniya slovatskogo yazyka stochki zreniya leksiki // Sovetskoye slavyanovedeniye. 1981. №5
44. Gavritukhin I. O., Sedin A. A. Fibuly s gorodishcha Nikodimovo // Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii. Vyp. 236. Moskva, 2014
45. Gavritukhin I.O., Lopatin N.V., Oblomskiy A.M. Novyye rezultaty izucheniya ranneslavyanskikh drevnostey lesnogo Podneprovia i Verkhnego Podvinia (tezisy k kontseptsii slavyanskogo etnogeneza // Slavyanskiy mir Polesia v drevnosti i srednevekovye. Gomel, 2004
46. Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M. Gaponovskiy klad i ego kulturno-istoricheskiy kontekst. Moskva, 1996
47. Gavritukhin I.O., Oblomskiy A.M. Dneprovskoye lesostepnoye Levoberezhye. K rekonstruktsii istoricheskikh protsessov // Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n.e. Moskva, 2007.
48. Horbanenko S.A., Pashkevych H.O. Zemlerobstvo davnikh slovian (kinets I tys. do n. e. — I tys. n. e.). Kyiv, 2010
49. Goryunov E. A. Ranniye etapy istorii slavyan Dneprovskogo Levoberezhia. Leningrad. 1981
50. Gratsianskiy M.B. O proiskhozhdenii etnonima «anty» // Vizantiyskiy Vremennik. Tom 71 (96). 2012
51. Gratsianskiy M.V. Anty. venety. vyatichi. slavyane: rodstvo imen i rodstvo plemen (otvet S.A. Ivanovu i A.E. Anikinu) // Vizantiyskiy vremennik. T. 73 (98). Moskva, 2014
52. Gusev V. E. Nazvaniya vremen goda i mesyatsev u slavyan // Ocherki slavyanskoy kultury: Pisma. Stati. Doklady. Polevyye materialy. Sankt-Peterburg, 2012
53. Dubitskaya N. N. Naseleniye Pripyatskogo Polesia v I tysyacheletii n. e // Izvestiya Natsionalnoy akademii nauk Belarusi. Seriya gumanitarnykh nauk. T.66. № 2. Minsk. 2021
54. Zagorulskiy E. M. Slavyane: proiskhozhdeniye i rasseleniye na territorii Belarusi. Minsk, 2012
55. Zaliznyak A.A. Problemy slavyano-iranskikh yazykovykh otnosheniy drevneyshego perioda // Voprosy slavyanskogo yazykoznaniya. Vyp. 6. Moskva, 1962
56. Illich-Svitych V.V. Vystupleniye. IV Mezhdunarodnyy syezd slavistov. Materialy diskussii. T. 2. Problemy slavyanskogo yazykoznaniya. Moskva, 1962
57. Iordan. O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov (Getica). Sankt-Peterburg, 2000
58. Istoricheskaya tipologiya slavyanskikh yazykov: fonetika. slovoobrazovaniye. leksika i frazeologiya / pod redaktsiyey A.S. Melnichuka. Kiyev, 1986
59. Kazanskiy M. M. Arkheologicheskaya situatsiya v Srednem Podneprovye v VII v. // Ranneslavyanskiy mir. Vypusk 15. Moskva, 2014
60. Kazanskiy M. M. O voyennoy organizatsii slavyan v V—VII vekakh: vozhdi. professionalnyye voiny i arkheologicheskiye dannyye // Stratum plus. №5. 2019
61. Kargapoltsev S.Yu. Severo-Zapad Vostochnoy Evropy v sisteme obshcheyevropeyskikh drevnostey III-VI vv. // Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavyanskoy arkheologii. T. 3. Moskva, 1997
62. Kasyuk A. Ranneslavyanskiya zhytly Belaruskaga Palessya ў kantekstse domabudaўnichykh tradytsyy prazhskay kultury // Gistarychna-arkhealagichny zbornik. Vyp.27. Minsk, 2012
63. Klanitsa Z., Trzheshtik D. Pervyye slavyane v srednem Podunavye i v Polabye // Rannefeodalnyye gosudarstva i narodnosti (yuzhnyye i zapadnyye slavyane VI—XII vv.). Moskva, 1991
64. Klepikova G.P. Slavyanskiye nazvanya ptits (aist. lastochka. voron) // Voprosy slavyanskogo yazykoznaniya. Vyp. 5. Moskva, 1961
65. Kozak D.N. Velbarskaya kultura na Volyni // Velbarskaya kultura v pozdnerimskoye vremya. Lyublin, 1987
66. Kozlov B.I. Slavyano-bolgarskaya kolonizatsiya stepnogo mezhdurechia Dunaya i Dnestra v rannem srednevekovye // Etnogenez i etnokulturnyye kontakty slavyan. Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavyanskoy arkheologii. T.3. Moskva, 1997
67. Komar A.V. Polyane i severyane // Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2010 god. Moskva, 2012
68. Komar A.V. Pereshchepinskiy kompleks v kontekste osnovnykh problem istorii i kultury

kochevnikov Vostochnoy Evropy VII – nach.VIII v. // Stepi Evropy v epokhu srednevekovia. T.5. Donetsk, 2006

69. Komar O.V. Naselennia stepiv Pivnichnoho Prychornomoria VI — pochatku VIII st. Avtoref. dys… kand. ist. nauk. Kyiv, 2002

70. Krasnov Yu.A. Ranneye zemledeliye i zhivotnovodstvo v lesnoy polose Vostochnoy Evropy: II tysyacheletiye do n. e.-pervaya polovina I tysyacheletiya n. e. Moskva, 1971

71. Kurkina L.V. Dialektnaya struktura praslavyanskogo yazyka po dannym yuzhnoslavyanskoy leksiki. Lyublyana, 1992

72. Kurkina L.V. Izoglossnyye svyazi yuzhnoslavyanskoy leksiki. II // Etimologiya 1976. Moskva, 1978

73. Kurkina L.V. K probleme slovensko-zapadnoslavyanskikh yazykovykh svyazey // Antichnaya balkanistika. Moskva, 1987

74. Lebedev G.S. Arkheologo-lingvisticheskaya gipoteza slavyanskogo etnogeneza // Slavyane. Etnogenez i etnicheskaya istoriya. Leningrad, 1989

75. Levko O. N. Polotsk - drevneyshiy tsentr belorusskoy gosudarstvennosti i aktualnyye problemy otechestvennoy istorii // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. №1

76. Levko O., Marzalyuk I., Drobushevskiy A. Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyy period. Kniga 1. Minsk, 2016

77. Ler-Splavinskiy T. Ob etnogeneze slavyan // IV Mezhdunarodnyy syezd slavistov. Materialy diskussii. T. 2. Problemy slavyanskogo yazykoznaniya. Moskva, 1962

78. Litavrin G.G. O pokhode avarov v 602 g. protiv antov // Slavyane i ikh sosedi. Vyp.1. Mezhdunarodnyye otnosheniya v epokhu feodalizma. Moskva, 1989

79. Lopatin N.V. O tushemlinskoy i kolochinskoy kulturakh // Ranneslavyanskiy mir. Vyp. 19. Moskva, 2017

80. Lyubichev M.V. O pervonachalnoy territorii rasseleniya antov i ikh prodvizhenii k Balkanskomu poluostrovu // Drevnosti 1995. Kharkovskiy istoriko-arkheologicheskiy ezhegodnik. Kharkov, 1995.

81. Makushnikov O. A. Gomelskoye Podneprovye v V - seredine XIII vv.: Sotsialno-ekonomicheskoye i etnokulturnoye razvitiye. Gomel, 2009

82. Makushnikov O.A. Kolochinskaya kultura v Gomelskom Podneprovye i smenyayushchiye eye pamyatniki VIII-IX vv. // Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii. Vyp. 225. Moskva, 2014

83. Martynov V.V. Praslavyanskiy yazyk i ego mesto v zapadnobaltiyskom dialektnom kontinuume // Acta Baltico-Slavica 25 SOW. Warszawa, 2000

84. Machinskiy D.A. O prarodine slavyan v I - V vv. i ob etnosotsiume rus/ros v IX v. (chrezvychayno razvernutyy kommentariy k nekotorym soobshcheniyam Bavarskogo geografa) // Istoki slavyanstva i Rusi. X chteniya pamyati Anny Machinskoy. Sankt-Peterburg, 2012

85. Milashevskiy A.S.. Tkach V.V.. Bayuk V.G.. Prishchepa B.A.. Voytyuk A.P. Khronologicheskiye indikatory finalnogo etapa pamyatnikov velbarskoy kultury na territorii Ukrainy // Etnokulturnyye protsessy na territorii Belarusi v I – nachale II tysyacheletiya nashey ery. Minsk, 2018

86. Nakhtigal R. Slavyanskiye yazyki. Moskva, 1963

87. Nepokupnyi A.P. Baltiiski rodychi slovian. Kyiv, 1979

88. Nepokupnyy A.P. Arealnyye aspekty balto-slavyanskikh yazykovykh otnosheniy. Kiyev, 1964

89. Nimchuk V.V. Karpato-ukrainsko-yuzhnoslavyanskiye yazykovyye paralleli i tozhdestva (Istoriya i perspektivy). Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Materialy i issledovaniya. Moskva, 1984

90. Oblomskiy A.M. Kiyevskaya kultura na fone etnokulturnykh protsessov v lesostepnoy zone v III – V vv. // Ranneslavyanskiy mir. Vyp. 10. Moskva, 2007

91. Oblomskiy A.M. Kolochinskaya kultura // Ranneslavyanskiy mir. Vyp. 17. Moskva, 2016

92. Oblomskiy A.M. Penkovskaya kultura // Ranneslavyanskiy mir. Vyp. 3. Moskva, 1996

93. Oblomskiy A.M.. Rodinkova V.E. Etnokulturnyy perelom v Podneprovye v VII v. n. e. Khronologiya sobytiy // Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii. Vyp. 225. Moskva, 2014

94. Oblomskiy A.M. Struktura naseleniya lesostepnogo Podneprovia v VII v. n. e. // Drevneyshiye gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2010 god. Moskva, 2012

95. Pamyatniki kiyevskoy kultury v lesostepnoy zone Rossii (III–nachalo V v. n.e.) / Otv. red. A.M. Oblomskiy. Moskva, 2007. (Ranneslavyanskiy mir. Vyp. 10)

96. Petrauskas O.V. Volyntsevskyi kompleks rannoslovianskoho poselennia Obukhiv 2 // Arkheolohiia. №1. 2019

97. Petrashenko V.A. Volyntsevskaya kultura na Pravoberezhnom Podneprovye // Problemy arkheologii Yuzhnoy Rusi. Kiïv, 1990

98. Pletneva S.A. Ocherki khazarskoy arkheologii. Moskva, 1999

99. Priymak V.V. Nekotoryye aspekty diskussii ob etnokulturnom perelome na Dneprovskom Levoberezhye // Ranneslavyanskiy mir. Vyp. 19. Moskva, 2017

100. Prikhodnyuk O.M. Voyenno-politicheskiy soyuz antov i tyurkskiy mir (po dannym istoricheskikh i arkheologicheskikh istochnikov) // Materialy po arkheologii. istorii i etnografii Tavrii. 2000. Vyp. VII

101. Prikhodnyuk O. M. Penkovskaya kultura: Kulturno-khronologicheskiy aspekt issledovaniya. Voronezh, 1998

102. Publichna kadastrova karta Ukrainy: https://map.land.gov.ua/; bazovi shary – ohliadova karta; shary kadastru – hrunty

103. Rabinovich R. K voprosu o polietnichnosti v rannesrednevekovoy Moldove // Rusin. 2006. №04(6)

104. Rafalovich I.A. Slavyane VI-IX vekov v Moldavii. Kishinev, 1972

105. Rusanova I. P. Slavyanskiye drevnosti VI–VII vv. Moskva, 1976

106. Russev N. D. Fenomen balkano-dunayskoy

kultury i istoriya Dunayskoy Bolgarii // Kozlov V. Naseleniye stepnogo mezhdurechia Dunaya i Dnestra kontsa VIII — nachala XI vekov n. e.: balkano-dunayskaya kultura. Kishinev, 2015

107. Svod drevneyshikh pismennykh izvestiy o slavyanakh. T. I. Moskva, 1994

108. Svod drevneyshikh pismennykh izvestiy o slavyanakh. T.II. Moskva,1995

109. Sedov V.V. Slavyane: Istoriko-arkheologicheskoye issledovaniye. Moskva, 2002

110. Selimski L. Ob etimologii dvadtsati slov. Dopolneniya i ispravleniya k «Bolgarskomu etimologicheskomu slovaryu» // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Vyp. 4. Moskva, 2015

111. Senichenkova T.B. Ob istochnikovedcheskikh vozmozhnostyakh rannesrednevekovoy keramiki. Ladogi // Slavyane vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. posvyashchennoy 110-letiyu so dnya rozhdeniya Ivana Ivanovicha Lyapushkina (1902-1968) 3-5 dekabrya 2012 g. Sankt-Peterburg, 2012

112. Skyba A.V. Heohrafiia ta umovy etnichnoho susidstva slovian i kochovykh plemen Pivvdenno-Skhidnoi Yevropy u VI-VII st. // VITA ANTIQUA. №7-9. 2009

113. Sobolev A.N. Voprosy drevneyshey istorii yuzhnoslavyanskikh yazykov i arealnaya lingvistika // Juzhnoslovenski filolog. LVI/3-4. Beograd, 2000

114. Sreznevskiy I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam. Tom 2. Sankt-Peterburg, 1902

115. Strategikon Mavrikiya / Izd. podg V. V. Kuchma. Sankt-Peterburg, 2004

116. Telnov N. P. Vostochnoslavyanskiye drevnosti VIII-X vv. Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurechia // Stratum plus. № 5. 1999

117. Terpilovskiy R.V. Ranniye slavyane Podesenia III-V vv. Kiyev, 1984

118. Terpilovskiy R.V. Slavyane Podneprovia v pervoy polovine I tys. n. e. Lublin, 2004

119. Tolstoy N. I. Desna ‘dextra’? // Izbrannyye trudy. T.I. Moskva, 1997

120. Tolstoy N. I. Slavyanskaya leksikologiya i semasiologiya // Izbrannyye trudy. T.I. Moskva, 1997

121. Toporov V. N.. Trubachev O. N. Lingvisticheskiy analiz gidronimov Verkhnego Podneprovia. Moskva, 1962

122. Tretiakov P.N. Po sledam drevnikh slavyanskikh plemen. Leningrad, 1982

123. Tretiakov P.N. Finno-ugry. balty i slavyane na Dnepre i Volge. Moskva, Leningrad, 1966

124. Trubachev O.N. Iz slavyano-iranskikh leksicheskikh otnosheniy // Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kultura. T. 2. Moskva, 2004

125. Trubachev O.N. O sostave praslavyanskogo slovarya (Problemy i zadachi) // Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kultura. T. 1. Moskva, 2004

126. Trubachev O.N. Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kultura. T. 1. Moskva, 2004

127. Trubachev O.N. Nazvaniya rek Pravoberezhnoy Ukrainy: Slovoobrazovaniye. Etimologiya. Etnicheskaya interpretatsiya // Trudy po etimologii. T. 4. Moskva, 2009

128. Trubachev O.N. Etnogenez i kultura drevneyshikh slavyan. Lingvisticheskiye issledovaniya. Moskva, 2002

129. Trubachev O.N. Yazykoznaniye i etnogenez slavyan. Drevniye slavyane po dannym etimologii i onomastiki // Voprosy yazykoznaniya. 1982. № 4

130. Filin F.P. Zametka o termine «anty» i o tak nazyvayemom «antskom periode» v drevney istorii vostochnykh slavyan // Problemy sravnitelnoy filologii. Moskva-Leningrad, 1964

131. Filin F.P. Obrazovaniye yazyka vostochnykh slavyan. Moskva-Leningrad, 1962

132. Fylypchuk A.M. «Prykarpatska” prabatkivshchyna slovian pered yikhnim rozselenniam u V–VII st. (u svitli novykh doslidzhen) // Visnyk Instytutu arkheolohii. 2011. Vyp.6

133. Fylypchuk A.M. Chy isnuvala prykarpatska prabatkivshchyna slovian? / Studia historia. Lviv, 2018. Vyp. 2

134. Furasyev A.G. O roli migratsiy v etnogeneze rannikh slavyan // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. XLIX. Sankt-Peterburg, 2009

135. Khaburgayev G.A. Stanovleniye russkogo yazyka (posobiye po istoricheskoy grammatike). Moskva, 1980

136. Khaburgayev G.A. Etnonimiya Povesti vremennykh let v svyazi s zadachami rekonstruktsii vostochnoslavyanskogo glottogeneza. Moskva, 1979

137. Chelnokov M. Problema diferentsiatsiї prabalto-slov’yanskogo masivu: mozhlivosti mizhdistsiplinarnogo pidkhodu // Zapiski istorichnogo fakultetu. Odesa, 2013. Vip. 24

138. Shmidt E.A. Krivichi Smolenskogo Podneprovia i Podvinia (v svete arkheologicheskikh dannykh). Smolensk, 2012

139. Shmidt E.A. Pamyatniki tipa Tushemlya - Kolochin i formirovaniye drevnerusskikh plemen v severnoy chasti Verkhnego Podneprovia // Problemy arkheologii Yuzhnoy Rusi. Kiyev, 1990

140. Shmidt E.A. Slavyane v mezhdurechye Dnepra i Zapadnoy Dviny v IV–XII vekakh n.e. // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. №2(10). 2010

141. Shuster-Shevts Kh. Vozniknoveniye zapadnoslavyanskikh yazykov iz praslavyanskogo i osobennosti serboluzhitskogo yazykovogo razvitiya // Voprosy yazykoznaniya. №2. 1983

142. Shchukin M.B. Rozhdeniye slavyan // Stratum: struktury i katastrofy. Sankt-Peterburg, 1997